

Первая встреча

Я окончил университет в 1970-ом. В том же году, впоследствии разорившаяся, а тогда одна из ведущих токийских галерей, по всей вероятности, впервые после войны представила на выставке-продаже в Японии довольно большое число работ советской живописи. (Советский Союз распался, и на сегодняшний день этого государства не существует. Поэтому в дальнейшем, имея в виду, что до его распада главными центрами советской живописи были Москва и Санкт-Петербург, я буду использовать термин «современная русская живопись», чтобы избежать путаницы). Выставка проходила в одном из универмагов в г. Саппоро, и говорят, что имела огромный успех. Весной 1989 года, перед самым моим отъездом на работу в Москву, в букинистическом магазине я случайно приобрел альбомы, посвященные выставкам современной русской живописи, проходившим в помещении одного из токийских универмагов в 1973 и 1974 годах. Из альбома, изданного в 1973 году я узнал, что подобная выставка проводилась и в 1971 году в универмаге какого-то провинциального города, а с 1972 года такие выставки стали ежегодно проходить в Токио. По сей день я бережно храню эти альбомы, перелистывая их время от времени, и насколько могу судить по ним, наиболее интересные работы были представлены именно на выставке 1973 года.

Благодаря деятельности галереи, 70-ые годы стали своего рода бумом русской живописи в Японии. Об этом свидетельствуют и несколько переведенных и изданных в те годы книг, посвященных работам русских художников. Несколько лет назад, когда-то работавший в той галерее человек рассказал мне, что в Японии в общей сложности было продано около двадцати тысяч картин современной русской живописи. Конечно, трудно представить, что все они обладали высочайшим уровнем, однако без сомнения, были среди них и работы, имеющие замечательную художественную ценность. Я думаю, что галерея эта занималась довольно полезным делом, но вместе со скандалом, не имеющим никакого отношения к картинам русских художников, она обанкротилась, что стало огромной трагедией для русской живописи. С той поры не появилось ни одной галереи, которая бы по-настоящему и активно продолжила ее деятельность, и пробившиеся в Японии первые ростки русской живописи были загублены еще до того, как японцы сумели оценить ее истинную прелесть.

Что же касается меня, то до моей командировки в Москву в 1989 году, я картинами не особо интересовался и в 70-ые годы совершенно не разбирался в ситуации, сложившейся в то время в Японии вокруг русского изобразительного искусства.

В такой обстановке, смутно помню о том, что в токийском универмаге проводилась выставка работ русских художников из коллекции Государственной Третьяковской галереи (как выяснилось позже, это было в

1976 году). Сам я на эту выставку не ходил, но где-то на рекламной афише видел картину с изображением сидящей в фаэтоне женщины в черном пальто и черной шляпе с белыми перьями. Помню, как я почувствовал еле заметную симпатию к экзотическому прекрасному лицу иностранки с печальными черными глазами. Позднее я узнал, что это произведение является шедевром художника-передвижника XIX века И.И. Крамского (1837-1887 г.г.) и называется «Неизвестная» (1883 г.) (в Японии название переведено как «Незабываемая»). Но это была всего лишь большая репродукция, а не подлинник, и едва ли можно сказать, что она была первой увиденной мною русской картиной.

Такой картиной, которую я впервые видел в подлиннике, (и случилось это еще раньше, в 1970 году) можно назвать работу «Рожь» (1878 г.) пейзажиста И.И. Шишкина (1832-1898 г.г.), сыгравшего замечательную роль, как и Крамской, во второй половине XIX века. На ней изображено бескрайнее поле отливающей золотом и сгибающейся под тяжестью созревших колосьев ржи, посреди которого, примерно от центра до самого дальнего края, стоят, возвышаясь на фоне солнечного осеннего неба, с десяток раскидывающих ветви хороших фигур, растущих поодаль друг от друга сосен. На переднем плане деревенская дорога, которая проходит через ржаное поле, разделяя рожь направо-налево, обнаруживает свой вид, а именно на эту дорогу, поросшую низкорослой сорной травой со следами колес от проезжающих по ней телег, падает тень двух низко летящих над землей ласточек, которая следует за их быстрым полетом. Сейчас уже точно не вспомню, где я увидел эту известнейшую в России картину, в Третьяковской галерее в Москве, или же в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, но произошло это спустя полгода после окончания университета, когда я, работая в небольшой туристической компании, специализировавшейся на турах в бывший Советский Союз, посетил Москву и ряд других городов в качестве заместителя сопровождающего группы. Пейзаж висел на стене так, что поднявшись по лестнице и войдя в выставочный зал вы оказывались прямо напротив него. И уже я не могу вспомнить, в каком из двух музеев я видел его (не так давно я снова посещал Третьяковскую галерею, и пытался отыскать тот самый зал, но так и не нашел ничего похожего), но даже сегодня отчетливо помню, как ржаное поле неожиданно брасалось в глаза, когда я едва вошел в выставочный зал, и сильнейшее потрясение я испытал от картины.

Мне казалось, что я стою на самом краю ржаного поля, отчетливо различая каждый колосок, и бескрайнее золотое море этих колосьев слепит глаза. По затылку и спине пробежали мурашки. Какое-то время я, словно парализованный, не мог сдвинуться с места. Несколько раз в жизни, глядя на хорошую картину, я чувствовал, как волосы на затылке начинают шевелиться, а по спине пробегает дрожь, но то был единственный раз, когда тело мое перестало меня слушаться.

Полет ласточек, спустившихся на мгновение к самой земле, и ясный облик деревенской дороги напомнили мне запечатлевшийся в сердце пейзаж

моего детства. Наверное, еще и поэтому мне так дорога эта картина. Спустя многие годы я посмотрел в художественном альбоме размеры полотна и удивился: картина размером 107 x 197 см – не такой большой для произведения русской живописи. Но когда я увидел эту картину впервые, она показалась мне в три раза больше из-за того, что я, скорее, не просто рассматривал ее, а словно, перешагнув за обрамлявшую ее раму, вошел в изображенный на ней пейзаж. Быть может, из-за того сильнейшего впечатления, которое произвела на меня эта картина, ни одна другая из увиденных мною тогда в музее работ, что удивительно, не сохранилась в моей памяти.

Впоследствии, в связи с реконструкцией Третьяковской галереи, в которой хранится «Рожь», в течение долгого времени, включая и весь период моей работы в Москве, мне никак не удавалось еще раз взглянуть на работу Шишкина. Такой случай наконец-то представился в июле 1997 года, во время моего частного визита в Москву и т. д. Я еще раз убедился в том, насколько великолепна эта картина, и помню, как вновь почувствовал волнение, но те ощущения, которые я пережил, увидев ее впервые, к сожалению, так и не воскресли во мне.

Что касается современной русской живописи, первая ее картина, с которой я столкнулся, произвела на меня довольно глубокое впечатление. Дочерняя компания той галереи, о которой я упоминал во вступительной части этой главы, занималась торговлей с бывшим Советским Союзом, и время от времени я отправлялся туда, чтобы получить заказ на работу по погрузке грузов на теплоход, в том числе экспортную таможенную очистку. У меня сложились достаточно хорошие отношения с работником, ответственным в этой компании за отправку грузов, и кажется, году в 87-ом, когда снова зашел к нему по работе, он неожиданно пригласил меня в находящийся по соседству с его офисом художественный салон, и, отведя меня в отдельную комнату, показал несколько лучших работ современной русской живописи. Из-за того, что нас все время сопровождал готовый отвечать на любые вопросы продавец, я как-то расслабился, и не сумел оценить те картины по достоинству, о чем на сегодняшний день весьма сожалею. Но очень хорошо помню одну из них, понравившуюся настолько, что я даже поинтересовался ее ценой. Это была слегка вытянутая в длину небольшая, размером примерно 50 x 80 см, картина, написанная маслом. На заднем плане берег реки с невысоким холмом, за который только начало садиться вечернее солнце. Темная зелень холма и зыбь на поверхности реки на средне-переднем плане освещены лучами заката. Среди царящей тишины весь пейзаж выглядел прекрасным и необычайно гармоничным. Невозможно забыть те глубокие тона, которыми передан на картине закат. Спустя годы я просматривал альбом, посвященный выставке современной русской живописи, о котором уже упоминал, и заметил, насколько похожа на ту картину помещенная в нем работа «Тихий вечер» Народного художника Российской Республики Н.И. Осенова (1909-1983 г.г.). Думаю, что без сомнения, это одна и та же картина, и меня беспрестанно терзает желание

еще раз как следует рассмотреть ее, однако это, на сегодняшний день, остается несбыточной мечтой.